

Удачи и просчеты

Спектаклем «Дуэнья» или «День чудесных обманов» Р. Шеридана в Сталинабаде закончились гастроли Ленинградского русского музыкально-драматического театра.

Спектакль «Дуэнья», поставленный режиссером Л. Н. Ицкиным, в целом весел, идет в южном темпе. Тем не менее, точный жанр постановки — неясен. В ней не удалось добиться единого стиля в исполнении ролей, и поэтому спектакль этот как бы состоит из одного жанра в другой и, в зависимости от находящегося на сцене артиста, звучит то как опера, то как водеvil.

В подлинно комедийном плане играют, пожалуй, только несколько артистов. В первую очередь, это Д. А. Белов, Ю. И. Хайруллин, А. Н. Рябова, В. Т. Селезнев, П. А. Воротицын.

Размышляя об игре других исполнителей, приходишь и к выводу, что в ряде случаев роли распределены без учета творческих возможностей артистов. Подлинному, отнюдь далекому от комедийного жанра глубокой серьезной актер А. Н. Романцев, потому что его незадачливый Дон-Джеромов сужает, лишен комедийной занимательности, обаяния. В образ оперетты поверхностно распустил образ А. Н. Кузема. Остро и интересно выписал драматургом характер Исаака Мендоса. Но артист Н. В. Мясняк делает упор лишь на внешнюю характеристику образа. Не нашел своего точного воплощения вольного характер Леопольда у артистки В. И. Кузема, которая уверенно играет очередной опереточный персонаж. Привычные ремесленные штампы мешают и артистке И. С. Каменской.

Художник В. В. Роберт в этом спектакле показал неинтересные, маловарьянтельные декорации.

Как видно из этого краткого обзора, постановка имеет серьезные недостатки. И если, несмотря на них, она принимается зрителем, это говорит о том, как нужна артистам в репертуаре театра и с какой ответственностью надо работать коллективу, чтобы поднять спектакль на подлинно художественный уровень.

После показанных ленинградцами советских пьес, оперетт и Sheridanовской

«Дуэнья» совсем в другую атмосферу переносят зрителя пьеса «Дядя Ваня» А. Чехова (постановка Д. М. Ляховцевского). Советские люди в творениях Чехова находят источник художественного наслаждения именно в том стремлении в будущее, в любви и созидательной жизни, которыми жили чеховские герои, видевшие свое счастье, свой долг в том, чтобы «пробовать дорогу» будущему.

В «Дяде Ване» ленинградцев зритель не почувствовал такого глубокого понимания. Мы увидели заурядный, никакая не зовущий спектакль. Подлинная жизнь чеховских героев подмиснена «настроительством». Излишняя, неверно понятая «камерность» приглушила живые краски образов, подмянула их надуманными, а отсюда невыразительными поэзией и внешними приемами игры. Большинство исполнителей не обнаруживает понимания и ощущения эпохи 90-х годов.

С самого начала спектакля мы видим на сцене змурою и зыблого Астрова (артист А. В. Мордасов), в котором ничего нет от чеховского мятателя, вершущего в лучшее будущее. А ведь чеховскому Астрову свойственным увлеченностью, юмор, ирония, даже озорство, есть полнота чувств, хотя он и говорит, что ничего не хочет и никого не любит.

Артист А. Н. Романцев правильно подал образ дяди Вани. Он показывает нам, как огонек веры в человека, ради которого он пожертвовал личной жизнью, который его время светил ему ступенчатой звездой жизни, и над ним ступенчатая непроглядная тьма. Он заблуждался, но, будучи по натуре слабым Астровым, — «обыкновенный человек» — быстро стихает. Однако артист все же не дает возможности почувствовать всю горечь обиды, разочарования в напрасно прожитой жизни. В своем Войничском он показал нам только частный случай крушения одной личности, а ведь в этом образе театр должен был отразить судьбу целого поколения русской либеральной интеллигенции, разочаровавшейся в своем понимании действительности. Поскольку этого нет, социальное звучание спектакля снижается.

Явно не по плечу артисту Е. Е. Лемешенко роль профессора Серебрякова. Моментами он просто беспомощен, осо-

бенно в сцене ссоры, и уж совсем неправдоподобен в финале 3-го действия. Не доносит глубины образа Елены Андреевны артистка Р. А. Иванюва. В ней нет той неутомимой жажды жизни, которая терзает ее, зритель не видит в ней ума, не ощущает и ее жизненной трагедии. Мы видим на сцене просто кокетливую женщину.

Близке к Чехову исполнительница роли Соли артистка Д. Т. Куликова. Но одной ей, конечно, не под силу создать в спектакле то особое настроение, которое присуще чеховским пьесам.

Оформление художника Я. Е. Гуцина не передает не только характера чеховской пьесы, но и самой эпохи и даже не всегда определяет место действия.

Г. ПРИМЕРАС.

Говоря о недостатках ряда спектаклей ленинградцев, мы отнюдь не затвердиваем работу молодого театрального коллектива и не закрываем глаза на все то положительное, чем театр привлекает внимание наших зрителей во время его гастролей в Сталинабаде, Петаре, Орджоникидзебаде, Такибе, Гиссаре, Курган-Тюбе и ряде других центров республик. Большой интерес, который наша общественность проявила к Ленинградскому театру, вызван прежде всего его творческой смелостью в подборе драматического репертуара, в котором вошли пьесы М. Горького, А. Чехова, А. Арнольдова, В. Гусева, Р. Шеридана, а также радостно знакомства с яркими интересными работами таких талантливых артистов, как А. Романцев, В. Шатиринов, В. Харьнович и ря-

дом других участников спектаклей. Хотелось бы, чтобы театр ежегодно приезжал в Сталинабад с творческим отчетом.

Много хорошего можно сказать о гурьевском, на наш взгляд, лучшем спектакле театра — «Старик» с А. Н. Романцевым в главной роли (постановка А. С. Шуленикова, художник Я. Е. Гуцин). Глубоко вынашен, заманес Горького, артист, словно реально выск скульптурный образ этого «мастера, художника-страдальца». В голосе, во всей повадке его, зловещим, немчиным лице романцевского старика зритель видит отражение его внутреннего «я» — охолобленного несчастным человеком, влюбленного в свое страдание, считающего себя, как говорил Горький, «исключительной личностью», имеющей право «мстить другим за свои несчастья». Романцев равняет человека и философскую философию старика всей зловолью своего поведения.

В этом спектакле радует в хорошей актерской ансамбль. Он создан, благодаря плодотворной работе над образами артистов А. Н. Рябовой, очень интересно выступившей в роли Девочки, В. П. Шатириной (Захаровна), П. А. Воротицына (Харитонов), Р. А. Иванювой (Софья Марковна), и других.

Очень понравилась зрителям своей простотой, жизненной мудростью и огромной нравственной силой Ематерина Иванювна Лагутина в исполнении артистки В. П. Шатириной в аринженевском спектакле «Мать своих детей». Здесь можно отметить также удачное исполнение роли Марата артистка Э. В. Самойлова и Сергея Чагина — артистом Р. И. Янковским, который и в спектакле «Иван Рыбаков» создал интересный, полный молодого задора и обаяния образ сына комбрига. С большой внутренней теплотой играет Иван Рыбаков и А. Н. Романцев.

Все это говорит о том, что, несмотря на молодость, театр уже накопил ценный творческий опыт, позволяющий братья за осуществление сложных постановок, что в коллективе есть интересные творческие индивидуальности, есть способная молодежь.

Однако и драматические, и музыкальные спектакли молодого коллектива не равновешены. В каждом из них, наряду с сильными актерскими работами, есть посредственные, что не позволяет говорить о слаженности постановки, единстве творческого метода режиссуры. И поэтому принципиально важным для театра нам представляется не столько то, как зрители приняли гастрольные спектакли, сколько то, какой характер носит просчет коллектива, какими путями следует театру идти дальше — по линии ли опереточных постановок, с их поверхностным раскрытием образов, штампами, игрой на публику, всем тем, что просачивается и отрицательно сказывается в драматических постановках, или же отбросить от себя. И если уж решиться на то, чтобы театр был музыкально-драматическим, то направить усилия коллектива на овладение подлинно музыкально-комедийным жанром.

Мы вовсе не против оперетты. Но слишком различные законы жанров, чтобы на одной сцене могли ужиться, например, Кальман и Чехов. И не оттого ли театр не сумел воссоздать четкую атмосферу в «Дяде Ване» что многие исполнители загляделись поимамки лишь внешней характеристикой, а режиссура театра, пригладившись, и сама музыкальным спектаклем, не заметила, как глубоко отразилась опереточный манера прочтения образов даже на таком спектакле, как комедия «Дуэнья».

Все дело в том, что театр должен обрести свое лицо, при всем разнообразии репертуара, думать о главном — о том, чтобы в каждом спектакле все многообразие стилистических приемов художественной выразительности было направлено на глубокое, оригинальное раскрытие идейного содержания спектакля, яркую образную картину.

Пока что этого в спектаклях ленинградцев еще нет. Думаем, трудно будет расти театру и его способным актерам, если коллектив и руководитель не продумают серьезно вопрос — по какому пути должен пойти театр дальше?

А. МОРОЗ.

На снимке: сцена из спектакля «Старик» Старик (слева) — артист А. Н. Романцев, Мистанов — артист А. В. Мордасов.

Фото А. БУЛЫЧЕВА.